

Для цитирования: Кокшаров В. А., Агарков Г. А., Сущенко А. Д. Новое неравенство в доходах выпускников вузов. Региональный аспект // Экономика региона. — 2019 — Т. 15, вып. 2 — С. 337-349

doi 10.17059/2019-2-3

УДК: 316.44

В. А. Кокшаров, Г. А. Агарков, А. Д. Сущенко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru)

НОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Важным показателем развития современной российской экономики является неравенство в доходах. Проблемы снижения дифференциации доходов, сокращения бедности активно обсуждаются экономистами и социологами в глобальной повестке в рамках подходов к изучению так называемого нового неравенства. При этом неравенство в доходах приводит к новым формам неравенства в доходах семей. В статье предприняты попытки оценить, в каких формах финансовая успешность одного поколения воспроизводится в последующих, насколько университетское образование обеспечивает социальную мобильность. Авторы анализируют данные о неравенстве доходов в России 1980–2015 гг., представленные в Мировой базе данных о богатстве и доходах (WID). Данные дополнены мониторингом выпускников, проведенным авторами. Для обработки информации использованы методы классификации, экспертных оценок. Анализ показал, что данные о неравенстве доходов в Российской Федерации фиксируют стагнацию доходов среднего класса и ниже за счет увеличения доходов у 10 % самых богатых. Ключевой вывод исследования: инвестиции (как государственные, так и частные затраты из доходов семьи) в получение высшего образования теми, кто поступает в вуз из семей со средней финансовой успешностью, оказываются оправданными в долгосрочной перспективе. Необходима поддержка абитуриентов из семей со средней финансовой успешностью, в таких семьях 49 % выпускников с аналогичным уровнем доходов уже на старте карьеры, еще 16 % финансово успешны. Эта группа выпускников мотивирована на работу по основной специальности после окончания вуза. Результаты применимы для оптимизации приема абитуриентов в ведущие вузы с учетом подходов к неравенству в доходах, что будет способствовать как приращению человеческого потенциала Уральского региона, так и эффективным инвестициям органами государственной власти в развитие высшего образования.

Ключевые слова: неравенство в доходах, рынок труда, трудоустройство, выпускники, молодые специалисты, профессиональные траектории, образовательные траектории, финансовая успешность, бедность, высшее образование, доход семьи

Введение

Проблемы социального неравенства в глобальной перспективе являются ключевыми для устойчивого экономического и социального развития общества. Изучение дифференциации социальных групп по доходам нескольких последних десятилетий входит в актуальные вопросы мировой повестки и, в основном, направлено на измерение неравенства и благосостояния с точки зрения их количественных параметров, совершенствование его аналитических инструментов, в том числе за счет публичного представления баз данных широкой общественности.

Своевременна и значима постановка исследовательского вопроса, связанного с углублен-

ным изучением внутренних причин усиления неравенства в доходах, в частности, как финансовая успешность одного поколения воспроизводится в следующем поколении и наоборот. В связи с этим интересен такой аспект, как бэкграунд родителей: в первую очередь, их финансовая успешность на рынке труда определяет в том или ином ключе развития профессиональных и карьерных траекторий выпускников вузов сразу после получения ими высшего образования, повышает их шансы на успешную адаптацию на рынке труда и в социальной жизни в целом.

Таким образом, исследование стартовых профессиональных и карьерных траекторий выпускников представляет не только научный, но и практический интерес, поскольку показывает, как стартовые заработные платы выпускников вузов связаны с материальным по-

¹ © Кокшаров В. А., Агарков Г. А., Сущенко А. Д. Текст. 2019.

ложением их родителей, каковы сценарии реализации этих траекторий выпускниками в условиях ограниченных финансовых ресурсов и возможности поиска работы по основной или смежной с ней специальности на рынке труда, неопределенности взаимоотношений между молодыми специалистами и работодателями.

Обзор литературы

Неравенство в доходах различных социальных групп привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых в области экономики и социологии. Обсуждение приобрело крайне широкий контекст: механизмы распределения финансовых ресурсов между бедными и богатыми, влияние уровня доходов на качество жизни населения, формирование социального статуса личности, в том числе с помощью реализаций образовательных траекторий (получения высшего и дополнительного образования).

Впервые проблему «нового неравенства» актуализировал экономист Р. Фриман по заказу Ассоциации национальной политики в 1997 г., указав на причины, последствия и способы устранения нового неравенства [1]. В американской и европейской традиции экономическое неравенство связывалось напрямую с процессами глобализации, с тем, что специалисты, обладающие высокой квалификацией [2], имели больший доступ к финансовым ресурсам вследствие владения современными техниками, технологиями производства и наличия умений применять их в своей профессиональной деятельности.

Тема неравенства в доходах, с одной стороны, широко изучена, в частности результаты ряда фундаментальных исследований опубликованы американским Национальным бюро экономических исследований (NBER). Например, оценка влияния семейного дохода на достижения ребенка [3], изменение роли семейного дохода и способности детей, выраженные в их образовательных достижениях [4]. Большинство ученых в области экономических наук склоняются к выводу, что «существуют значимые различия в доходах между выпускниками из разных семей, которые можно наблюдать после окончания учебы», а также могут оказывать влияние противоречия «на рынке труда, объясненные неравенством, установленным в профессиональных нишах» [5].

С другой стороны, растущее неравенство в доходах на самых высоких уровнях [6, 7] побудило исследователей вновь обратиться к этой проблеме в глобальной повестке и по-

ставить ряд вопросов о значении неравенства результатов в сравнении с неравенством возможностей.

Исследование этого неравенства требует другого типа эмпирического и теоретического анализа, отличного от традиционного макроуровневого анализа производственных функций [8, с. 689; 9]. Под новым неравенством понимается результат воздействия комплекса макроэкономических факторов, определяющих структуру социальных групп, сформированных на основе разделения по уровню доходов и принципы развития социальных процессов внутри этих групп. Фактически сложно приблизиться к пониманию нового неравенства через показатели богатства и бедности, в долгосрочной перспективе отсутствие таких данных формирует скрытые «пузыри» неравенства внутри социальных групп по социально-демографическим, гендерным, образовательным параметрам. Существенный вклад в исследования экономического неравенства внес Томас Пикетти, в качестве страны с существенным экономическим неравенством в его исследованиях рассматривается Россия [10].

В числе входящих в глобальную повестку вопрос о том, как неравенство родительских ресурсов транслируется в неравенство результатов детей, как формируется неравенство человеческого капитала в его наиболее общем смысле [11]: за счет неравных инвестиций родителей в развитие детей в раннем возрасте, неравные инвестиции в образование со стороны родителей и общества, а также неравной оценки приобретенных активов человеческого капитала, например, из-за использования родительских связей на рынке труда или дискриминации по тем или иным признакам. Такой подход к изучению неравенства в доходах подчеркивает, что передача неравенства между поколениями лежит в плоскости не только финансовой успешности, но и неравенства в человеческом потенциале родительских ресурсов. В то же время, поскольку трудно понять, каким должен быть оптимальный уровень устойчивости между поколениями, исследователи все чаще сравнивают уровни по странам, времени и регионам [12].

Так, исследователи Р. Канбур и Дж. Стиглиц подтверждают результатами своих исследований, что не совсем верно при изучении различных форм неравенства, прежде всего, «роста доходов среди богатых, фокусироваться на неравенстве результатов». Передача неравенства в доходах осуществляется между поколениями не только через финансовый, но и через

человеческий потенциал, что приводит к тому, что долгосрочное «династическое» неравенство возрастает. Необходима модель мобильности между поколениями, которая ведет к снижению неравенства не между отдельными людьми, а между династиями, к которым они принадлежат [13, с. 419]. Проблемы неравенства в доходах не теряют своей актуальности при исследовании мобильности между поколениями в рамках среднего класса [14, с. 224].

Американские ученые полагают, что при анализе влияния семейных характеристик на перемещение их детей для определения особенностей мобильности необходимо рассмотрение следующих гипотез: «(1) одна из гипотез предполагает, что мобильность может быть выше среди бедных семей и представителей среднего класса, где заработки являются наиболее важным компонентом дохода, а инвестиции в человеческий капитал преобладают, в отличие от богатых, где наследование финансового капитала является более распространенным; (2) была также некоторая обеспокоенность тем, что система социального обеспечения создает постоянный класс благосостояния, который сохраняется на протяжении поколений и приводит к малой подвижности вверх для представителей из бедных семей» [15, с. 456]. Большое внимание зарубежные исследователи обращают на высокое неравенство в развивающихся странах в контексте глобализации [16].

Современные исследователи рассматривают и такие проявления экономического неравенства, как сложности адаптации в университете студентов из семей с низкими доходами [17].

В контексте исследований неравенства в доходах стоит также отметить три важных аспекта изучения проблемы: его связь со здоровьем населения, наличием гендерных особенностей на рынке труда, а также различиями в образовательном бэкграунде. Ученые озадачены тем, «как доходы и богатство связаны со здоровьем и долголетием, каков градиент между экономическим благополучием и здоровьем» [18, с. 1; 19]. Кейс США показывает, что расширение экономического неравенства сопровождается растущим неравенством в показателях здоровья. Ожидаемая продолжительность жизни самых богатых американцев сейчас превышает продолжительность жизни самых бедных на 10–15 лет [20, с. 1431]. Изменения рынка труда, увеличивающиеся разрывы в неравенстве между доходами разных социальных групп приводят к росту разли-

чий в отношении здоровья, в частности, среди богатых проще с экономической точки зрения поддерживать здоровый образ жизни, который приобрел в последнее время моду. В то же время, как отмечает американский социолог Лесли Макколл, новое неравенство часто характеризуется увеличением разрыва в заработной плате между работниками с высшим образованием и теми, кто его не имеет, при этом она акцентирует внимание «на гендерных различиях в неравенстве» [21, с. 234]. При этом социальная мобильность внутри группы между поколениями, выраженная в заработках и образовании, довольно низкая, в частности на примере таких стран, как Франция, Великобритания, США [22, с. 166]. Эти направления исследований не являются предметом нашего изучения, однако могут быть перспективными в дальнейшем.

Отечественные экономисты и социологи практически едины во мнении, что наблюдается рост социального и экономического неравенства, как за рубежом, так в России [23–25].

Экономисты и социологи отмечают необходимость развития методологии исследования неравенства, развития междисциплинарных подходов [26].

При этом подходы к оценкам последствий роста неравенства далеко не однозначны. Так, многие исследователи считают неравенство угрозой стабильному развитию экономики и общества [27].

В то же время ряд исследователей считают неравенство псевдопроблемой, хотя и в его росте видят симптомы иных реальных экономических и социальных проблем [28].

Исследователь в области экономических наук Р.И. Капелюшников полагает, что общепринятая практика делать нормативные выводы исходя из количественных показателей неравенства этически некорректна, поскольку «обычные» люди (не интеллектуалы) склонны судить о приемлемости и неприемлемости богатства и доходов не по тому, насколько они малы или велики, а по тому, как они были получены, — с нарушением или без нарушений правил «честной игры» [29].

Существенное внимание уделяется региональному аспекту социально-экономического неравенства. В нем видят внутреннюю угрозу экономической безопасности страны [30].

Относительно исследования нового неравенства представляют интерес работы ученых, исследующих вопросы профессиональных траекторий молодежи [31], особенно таких расширяющихся их форм, как неустойчивая занятость [32].

Наконец отметим, что показатель неравенства в доходах не только привлекает внимание представителей академического сообщества, но становится приоритетным на уровне реализуемых государственных программ, направленных на социально-экономическое развитие стран. Так, в 2018 г. Минэкономразвития России разработан «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором предполагается «снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации, с 13,2 % в 2017 году до 6,6 % в 2024 году».¹ К сожалению, в данном официальном документе поверхностно указаны инструменты, за счет которых возможны такие кардинальные изменения в доходах населения (поддержка отдельных категорий работников, индексация заработной платы в бюджетной сфере). Также разработчики не упоминают о проблемах социального неравенства, без которых невозможно комплексно оценить имеющиеся противоречия в достижении планируемых результатов. При этом в американской и европейской национальной политике, начиная с 1997 г., наблюдается смещение акцентов от мероприятий, направленных на снижение бедности, к тем, которые связаны с проблемами неравенства населения, в особенности по доходам.

Методы исследования и используемые данные

Существуют следующие подходы к анализу нового неравенства, включающие принципы распределения доходов между различными социальными группами: 50 % самых низких доходов, 40 % средних доходов, топ 10 % самых высоких доходов, среди которых также выделяют топ 1 % доходов, приходящихся на самый верхний уровень благосостояния². Отметим, что первый доклад о неравенстве в мире на основе Мировой базы данных о богатстве и доходах (World Wealth and Income Database – WID) был подготовлен исследователями в области экономических наук Фаундо Альваредо, Лукасом Чанселом, Томасом Пикетти, Эммануэлем Саезом и Габриэлем Цукманом в 2017 г., быстрое распространение получили результаты этих и других публикаций авторов, в которых

акцент был сделан на возрастающее новое неравенство в доходах как национальных, так и личных. В базе также представлены данные о неравенстве в российской экономике.

Очевидно, что анализ этих данных, дополненный результатами опроса, позволит выяснить ряд важных с научной и практической точки зрения вопросов: (1) каково распределение финансовых ресурсов между богатыми и бедными, (2) как оно в конечном счете определяет возможности к развитию профессиональных траекторий тех молодых специалистов, которые ориентированы, начиная со студенческой скамьи, на высокую вовлеченность в освоение знаний, навыков, компетенций, прикладывают дополнительные усилия, чтобы достигнуть финансовой успешности сразу после окончания вуза и в дальнейшем развивать карьерные траектории, (3) какова связь между финансовой успешностью родителей и финансовой успешностью их детей, окончивших вуз, иными словами, насколько те или иные социальные группы по уровню их финансовой успешности воспроизводятся в последующих поколениях. Выявление этих зависимостей имеет научную значимость для определения экономических мотиваций индивидуумов с точки зрения поведенческой экономики.

Рассмотрим динамику изменения доходов в России за период с 1980 г. по 2015 г. (рис.).

Представленные данные показывают, что рост неравенства в стране был неравномерным. Данные WID позволяют выделить три важных взаимозависимых тенденции в неравенстве доходов в рамках российской экономики. Во-первых, галопирующими темпами с 1980 г. выросли в 2 раза доходы первых 10 % финансово успешных, и к 2015 г. они владели 46 % от всего национального дохода страны, при этом 20 % из 46 % принадлежат 1 % самых богатых в стране. Во-вторых, доля доходов, приходящаяся на нижние 50 % самых бедных, составляет лишь 17 % от национальных доходов. В-третьих, если в 1980 г. доходы 40 % среднего класса составляли 48 % от всех доходов, то к 2015 г. они снизились до 38 %. Таким образом, фактически на протяжении последних 15 лет (2000–2015 гг.) доходы 50 % самых бедных и 40 % среднего класса находятся в стадии стагнации, что указывает на тенденцию к усилению неравенства в стране, средний класс и ниже оказываются зажаты в развитии за счет роста доходов у 10 % самых богатых. Однако ограничением анализируемых данных является отсутствие возможности изучить внутренние взаимосвязи наблюдаемого неравен-

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/201801101> (дата обращения: 15.04.19).

² World Inequality Database: WID. [Электронный ресурс]. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения: 10.04.19).

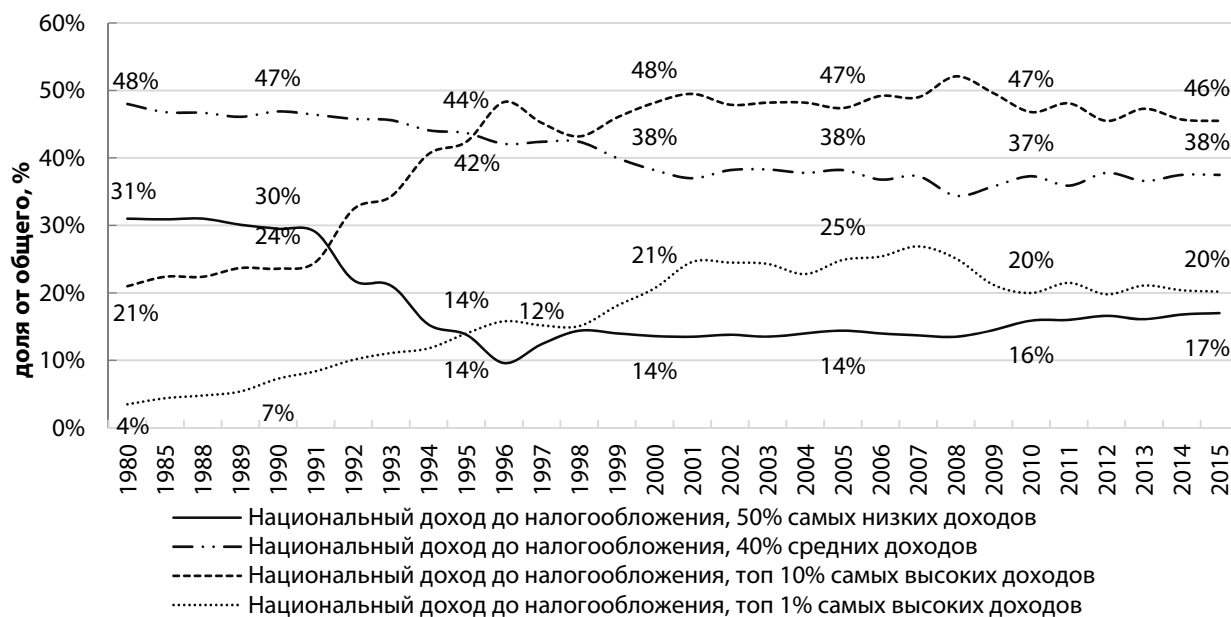

Рис. Неравенство доходов в Российской Федерации, 1980–2015 гг. (World Inequality Database: WID [Электронный ресурс]. URL: <https://wid.world/country/russian-federation/> (дата обращения: 10.04.19))

ства в доходах, в том числе специфики неравенства в семейных доходах с учетом имеющегося доступа к высшему образованию.

Все большее значение в современной экономике приобретают знания, качество человеческого капитала, в этой связи, как уже отмечалось ранее, многие исследователи обращают внимание на приоритетное значение обеспечения широкого доступа к высшему образованию с целью снижения неравенства. Однако сама по себе доступность высшего образования не приведет к существенному снижению уровня неравенства в случае, если не происходит реализации полученного потенциала по окончании университета. Измерение уровня нового неравенства среди выпускников университетов важно не только как самоцель, но и как индикатор того, насколько университет и в целом система высшего образования оказывает позитивное влияние на социально-экономическое развитие региона. Преодоление нового неравенства среди выпускников потребует комплекса мер: большей гибкости планов приема с учетом рынка труда до корректировки образовательных программ.

Для углубленного анализа неравенства в доходах выпускников вузов и их семей применен метод опроса, направленный на изучение стартовых профессиональных и карьерных траекторий выпускников и материального положения их родителей. Хорошей практикой для подобных измерений является проведение лонгитюдных исследований среди родителей и их детей [33], однако мы придерживались та-

ких зарубежных практик, как опросы среди выпускников национального масштаба, например, Australian Graduate Survey¹, проект «Синяя книга трудоустройства выпускников вузов» в Китае,² и формата институциональных исследований внутри университетов [34].

Наше исследование использует данные о выпускниках 2017 г. через шесть месяцев после окончания ими Уральского федерального университета. Всего было опрошено 32,3 % от выпуска (1195 выпускников за исключением бакалавров и специалистов, продолживших обучение в магистратуре УрФУ, исходя из методологии исследования). Поскольку вуз является системообразующим центром, крупнейшим в регионе по численности выпускников (в 2017 г. вуз окончили 7429 чел., при этом, по последним данным Мониторинга трудоустройства выпускников, разработанного Министерством образования и науки,³ их доля в 2016 г. составляла 10 % от общей численности выпускников УрФО). Как следствие, на основе рассмотрения кейса университета может быть расширено представление о связи между профессиональными и карьерными траекто-

¹ Australian Graduate Survey (AGS), available at: <http://www.graduatecareers.com.au/research/surveys/australiangraduatesurvey/> (accessed: 16.04.2019).

² 2018 Chinese College Graduates' Employment Annual Report, available at: http://www.mycos.com.cn/En/index.php?s=/Index/service_info/nav/2/i/4 (accessed: 16.04.2019).

³ Мониторинг трудоустройства выпускников. [Электронный ресурс]. URL: <http://graduate.edu.ru/> (дата обращения: 07.04.19).

Соотношение в неравенстве между доходами семей и выпускников вуза (% по строке)

Группы родителей по типам их финансовой успешности	Группа выпускников вуза по типу финансовой успешности				
	1 группа	2 группа	3 группа		
	доля финансово успешных, %	доля со средней финансовой успешностью, %	доля финансово неуспешных, %	доля безработных, %	суммарная доля по 3 группе, %
Финансово успешные родители	29	34	15	22	37
Родители со средней финансовой успешностью	16	49	15	20	35
Финансово неуспешные родители	13	45	19	23	42

риями выпускников вузов, их стартовыми заработными платами и теми финансовыми ресурсами, которыми располагают их родители. Таким образом, анализ опросных данных поможет сформировать представление о новом неравенстве в доходах выпускников вузов и их семей, оценить, насколько финансово неуспешные семьи воспроизводят социальную группу финансово неуспешных выпускников вузов, а также выявить особенности в реализации профессиональных траекторий выпускников вузов, семьи которых относятся к финансово успешным.

Классификация доходов семей выпускников основана на данных об их материальном положении: (1) к финансово успешным родителям отнесены те, кто «хорошо обеспечены, могут достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых», (2) к финансово неуспешным — те, кто живет крайне экономно, а также родители, которые не смогут позволить себе без кредита покупку бытовой техники (данные о безработных не собирались), (3) все остальные — родители со средней финансовой успешностью. Выпускники разделены на три группы, аналогично родителям: (1) среди финансово успешных — те, чьи стартовые заработные платы более четырех прожиточных минимумов, (2) к финансово неуспешным причислены получающие заработные платы не более двух прожиточных минимумов, к этой же группе отнесены безработные — те, кто не трудоустроился в течение полугодия после окончания вуза; (3) выпускники со средней финансовой успешностью — получающие заработные платы от двух до четырех прожиточных минимумов.

Полученные результаты

Исследование выявило структуру дифференциации доходов выпускников и их семей с учетом первых достижений окончивших вуз молодых специалистов в реализации ими профессиональных траекторий на старте карьеры.

Неудивительно, что в структуре доходов среди родителей значительная доля тех, кого можно отнести к среднему уровню финансовой успешности (65 %). Такая ситуация, скорее всего, обусловлена тем, что анализируемая группа — это родители выпускников вузов, которые так же, как и их дети, в той или иной мере были ориентированы на развитие своих профессиональных траекторий, и по этому подобию воспитывали своих детей, прививая им с ранних лет ценности получения высшего образования. Также 11 % можно отнести к финансово успешным, 24 % — к финансово неуспешным. Стоит отметить, что ограничением анализа является отсутствие данных о доле безработных родителей. К средней группе финансово успешных можно отнести 46 % выпускников вузов, к финансово успешным — 16 %, 38 % — финансово неуспешные (в том числе 22 % — безработные). Помимо этого, часть выпускников мигрировали в другие регионы по причине продолжения образования или трудоустройства, однако они находятся за границами проводимого анализа.

Охарактеризуем внутренние особенности неравенства в группах выпускников и их родителей с разной финансовой успешностью.

Представленные в таблице 1 данные показывают, что воспроизводство социальных групп с учетом их финансовой успешности выше среди бедных семей и представителей среднего класса, где заработки являются наиболее важным компонентом дохода на старте профессиональных траекторий выпускников вузов.

В основном в группе родителей со средней успешностью удается воспроизводить последующие поколения с таким же уровнем финансовой успешности на 49 %, при этом 16 % выпускников удалось даже улучшить (относительно родителей) свои доходы за счет высокой мотивации к освоению профессиональной деятельности и развитию стартовых профессиональных траекторий. Среди финансово

Таблица 2

Трудности при поиске работы, возникшие у выпускников вуза после окончания вуза, с учетом неравенства в доходах между ними и семьей

Возникшие трудности с поиском работы после окончания вуза до трудоустройства	Группа родителей и выпускников по соотношению их финансовой успешности, %				
	финансово успешные дети и родители	финансово успешные родители и финансово неуспешные дети	дети и родители со средней финансовой успешностью	финансово неуспешные родители и финансово успешные дети	финансово неуспешные родители и дети
Трудно устроиться без опыта работы	50	60	62	36	83
Сложно найти вакансию, соответствующую образованию	40	60	37	21	45
Трудно найти работу с интересным содержанием	70	70	38	29	31
Не устраивал размер заработной платы	70	10	38	29	28
Сложно найти работу с удобным расположением	20	20	15	14	14
Трудно найти работу с удобным графиком	10	10	13	21	14
Сложно пройти тесты (интервью), предложенные работодателями	0	0	8	0	3

* Сумма ответов по столбцу может превышать 100 %, поскольку респондент мог дать несколько ответов на вопрос.

успешных родителей, напротив, в равной степени есть и финансово успешные, и финансово неуспешные дети. Следовательно, необходим анализ их мотивационной модели к развитию профессиональных траекторий, поскольку достигнутый уровень благосостояния родителей сильно влияет на вариативность траекторий последующего поколения, поскольку их дети в краткосрочной перспективе не испытывают финансовых затруднений, а значит, могут быть чуть более свободны в выборе работы.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что инвестиции (как государственные, так и частные затраты из доходов семьи) в получение высшего образования теми, кто поступает в вуз из финансово неуспешных семей, оказываются неоправданными в долгосрочной перспективе. Через полгода после окончания вуза 19 % из них относятся, как и их родители, к финансово неуспешным, еще 23 % — безработные. Суммарная доля в той или иной мере неуспешных выпускников составляет 42 %, что выше на 5–7 %, чем в группах выпускников со средней финансовой успешностью и финансово успешных.

Нами проведен углубленный анализ трудностей в поиске работы, возникающих у разных групп выпускников после окончания вуза, который подтверждает первичные выводы о структуре неравенства между доходами семей и выпускников вуза. При разных типах финансовой успешности семей и личных дохо-

дов молодых специалистов различны мотивационные модели поведения последних, следовательно, стоит говорить о разных сценариях реализации выпускниками профессиональных траекторий на рынке труда, в особенности на старте карьеры. В предложенной нами классификации существует 12 типов социальных групп с точки зрения соотношения в неравенстве между доходами семей и выпускников вуза, из которых выделим 5 наиболее интересных, характеризующих сценарии реализации выпускниками профессиональных траекторий (табл. 2).

Во-первых, среди анализируемых групп — финансово успешные выпускники вузов, семьи которых также финансово успешны. Основными мотивами при выборе работы (судя по возникшим трудностям в поиске работы) для них являются размер заработной платы и интересное содержание реализуемой профессиональной деятельности. Они прагматичны при построении своей карьеры, уже на старте которой они чаще других выпускников имеют в подчинении сотрудников (31 %). При этом 79 % из них имели опыт вторичной занятости, обучаясь в вузе. Скорее всего, с одной стороны, это те выпускники, кто, обучаясь в университете, планировал получение первичного опыта профессиональной деятельности, с другой стороны, те, чьи достижения основаны на социальных связях, в основе которых — заслуги финансово успешных родителей. Как

следствие, данная группа выпускников ориентирована на сценарий «быстрой интеграции на рынке труда», в том числе за счет социальных связей, имеющих у финансово успешных родителей. Ограничением такой стратегии является то, что без регулярного обновления знаний, продолжения образовательных траекторий (не продолжают образование в тех или иных формах — 75 %) высока вероятность, что в долгосрочной перспективе выпускникам не удастся удерживать высокие позиции, в том числе по уровню заработной платы, в сравнении с теми молодыми специалистами, кто готов инвестировать личные, финансовые, временные ресурсы в непрерывное развитие своего человеческого капитала.

Схожий сценарий реализуется выпускниками из семей со средней финансовой успешностью. Однако те выпускники, кто на старте, как и их родители, достигли уровня средней финансовой успешности в равной степени, в отличие от финансово успешных выпускников из финансово успешных семей, ориентированы как на «хорошую заработную плату», «интересную работу», так и на поиск той работы, которая бы соответствовала полученной в вузе специальности. На наш взгляд, в долгосрочной перспективе специалисты, которые обладают базовыми знаниями, навыками, компетенциями, осваиваемыми в рамках высшего образования в течение 4–6 лет, имеют большие шансы на постепенное устойчивое развитие своих профессиональных траекторий, чем те, кому приходится осваивать новую сферу профессиональной деятельности, обучаясь на долгосрочных курсах 1–2 года. Условно данный сценарий реализации выпускниками профессиональных траекторий можно обозначить как ориентацию на развитие человеческого потенциала.

Основным препятствием к трудоустройству, с которым столкнулись финансово неуспешные выпускники, семьи которых также финансово неуспешны, является отсутствие опыта работы. При этом значительная доля финансово неуспешных выпускников, во-первых, не совмещали обучение в вузе с работой (58 %), во-вторых, не продолжают в настоящее время свои образовательные траектории (74 %). Видимо, их мотивация к развитию образовательных и профессиональных траекторий довольно низка как в процессе, так и после получения высшего образования. Они проявляют низкую готовность к освоению нового опыта, который можно было получить в ходе вторичной занятости или дополнительного обучения.

Похоже, что данная группа выпускников ожидает, что высшее образование по-прежнему является гарантией трудоустройства, и не считает необходимым прикладывать дополнительные усилия сверх требуемых в рамках образовательной программы высшего образования. Такой подход к реализации выпускниками образовательных и профессиональных траекторий можно назвать сценарием минимальной вовлеченности. Однако, как показали результаты исследования, высшего образования недостаточно, чтобы стать конкурентоспособным на региональном рынке труда. Половина выпускников из финансово неуспешных семей не имеют объективных ограничений причин безработицы, в связи с которыми они не смогли трудоустроиться, а отмечают, что просто не искали работу или не нашли ее. Финансово неуспешные семьи, ориентируя своих детей получить высшее образование формально, «ради корочки», фактически продолжают воспроизводить такое же финансово неуспешное новое поколение. Не происходит качественного изменения специалистов на рынке труда после выпуска этой группы из вуза, которая бы удовлетворила потребности региона в высококвалифицированных кадрах.

Похоже, что даже тем выпускникам из финансово неуспешных семей (таких лишь 3 %), которым удалось достигнуть существенных результатов в стартовых профессиональных траекториях и получить высокую заработную плату (свыше четырех прожиточных минимумов), нелегко удерживать свои стартовые позиции. Они чаще других отмечают трудности с поиском удобного графика работы, скорее всего, это обусловлено ненормированным временными затратами на выполнение производственных функций, потребностью прилагать больше личных усилий либо совмещением двух и нескольких работ, чтобы кардинальным образом преодолеть бедность предыдущего поколения.

Специфическую профессиональную траекторию реализуют финансово неуспешные выпускники из финансово успешных семей. По сути, это те, кто ориентирован на самореализацию в профессии, поскольку основными мотивами при поиске работы для них выступают соответствие полученному высшему образованию и интересное содержание будущей работы. В силу того, что их родители могут оказывать им без затруднений финансовую поддержку, дети находятся «в поиске себя», своего предназначения, больше нацелены на познание нового, чем на поиск финансовых ресур-

сов и карьере. При этом некоторые из них (7 %) обучаются в аспирантуре, скорее всего, в будущем эти выпускники готовы связать свою профессиональную деятельность с наукой. Эти выпускники также обладают по нашим оценкам потенциалом к приращению человеческого капитала региона, однако их доля в общей структуре невелика.

Таким образом, с экономической точки зрения оптимальным сценарием с точки зрения финансирования системы высшего образования выступает сценарий ориентации на развитие человеческого потенциала, что будет способствовать как его приращению в Уральском регионе, так и эффективным инвестициям органами государственной власти в развитие системы российского высшего образования за счет вложений в тех, кто в будущем с высокой вероятностью готов работать по специальности. С одной стороны, для преодоления бедности создаются условия для повышения человеческого потенциала населения, среди которых — расширение доступа к высшему образованию. С другой стороны, это не удовлетворяет потребностей рынка труда в молодых и квалифицированных кадрах, готовых работать по освоённой в вузе специальности.

Заключение

Учитывая современные условия развития российской экономики и внутренние принципы дифференциации социальных групп населения, можно сделать вывод о том, что данные о неравенстве по доходам, о доле 10 % самых богатых и 50 % самых бедных в стране отражают общую картину, но оказываются «плоскими», не позволяют выявить противоречия, возникающие внутри категорий богатых и бедных. Так, в исследовании нового неравенства внутри социальных групп мы изучили следующий его аспект: как доходы выпускников вузов связаны с доходами их семей, выявили причины, вследствие чего даже в финансово успешных семьях нередко выпускники оказываются финансово неуспешными и безработными, а выпускники вузов из финансово неуспешных семей становятся еще беднее.

Инвестиции (как государственное финансирование, так и частные затраты из доходов семьи) в получение высшего образования теми, кто поступает в вуз из финансово неуспешных семей, зачастую оказываются неоправданными в долгосрочной перспективе, поскольку не происходит подготовки высококвалифицированных кадров, ориентированных на освоение новых техник и технологий, обновле-

ние знаний, навыков, с учетом потребностей рынка труда. Скорее всего, ориентация данной группы выпускников на минимальную вовлеченность в развитие своих образовательных и профессиональных траекторий на старте карьеры продолжится и в дальнейшем, поскольку, будучи студентами, они реже других участвовали во вторичной занятости, практически не имели опыта первичного включения в систему непрерывного обновления своих знаний, навыков, компетенций, обучаясь на курсах дополнительных образовательных услуг. Вероятно, при приеме абитуриентов из финансово неуспешных семей, в особенности, в ведущие вузы страны, стоит обращать внимание на иные характеристики, например, учебные достижения потенциальных студентов: наличие высоких баллов по результатам единого государственного экзамена, участие в олимпиадах и конкурсах, позиции учебного заведения в рейтинге школ по количеству поступивших в вуз. Перспективным направлением преодоления изложенной выше проблемы является расширение практики проектного обучения, развивающейся сейчас в ведущих российских университетах, когда повышается внимание в учебных программах к навыкам *soft skills* (коммуникативные навыки, критическое мышление, навыки решения проблем, креативность, умение работать в команде, искусство ведения переговоров, самоорганизацию, тайм-менеджмент).

По нашим оценкам, качественное приращение человеческого потенциала в регионе происходит преимущественно за счет подготовки выпускников, семьи которых имеют средний уровень финансовой успешности. Такие выпускники еще на этапе обучения в вузе осознают, что только лишь высшего образования будет недостаточно для успешной адаптации на рынке труда, они готовы тратить на инвестиции в развитие своих профессиональных траекторий личное время, дополнительные усилия, которые требуются сверх образовательной программы, например, в форме совмещения работы и учебы в вузе, получения дополнительного образования. Первичный опыт вторичной занятости позволяет им расширить представления о дефицитных для выполнения трудовых поручений навыках, которые оказываются не сформированными к старшим курсам бакалавриата, магистратуры, попытаться расширить или углубить их за счет выбора дисциплин в рамках модулей, формирования индивидуальных образовательных траекторий либо освоения курсов допол-

нительных образовательных услуг, предлагаемых в вузе. Важно, что треть из них ориентированы на развитие своих профессиональных траекторий в той сфере, которая соответствует основной специальности, полученной в вузе. Как следствие, они не только обладают базовыми знаниями по специальности, но и готовы их обновлять, открыты новому опыту по профессии. Такой подход к инвестированию финансовых ресурсов государства в развитие будущих молодых специалистов, скорее всего,

принципиально не отразится на структуре неравенства по доходам среди бедных и богатых в краткосрочной перспективе, однако может способствовать качественным изменениям внутри социальных групп со средней финансовой успешностью и, как следствие, снижению рисков финансовых издержек на развитие системы высшего образования в стране, повышению качества выпускаемых для регионального рынка труда кадров, а также увеличению кадрового потенциала региона в целом.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00175.

Список источников

1. Freeman R. When Earnings Diverge: Causes, Consequences, and Cures for the New Inequality in the U.S. // Washington D.C: National Policy Association. 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholar.harvard.edu/freeman/publications/when-earnings-diverge-causes-consequences-and-cures-new-inequality-us> (дата обращения: 12.04.2019).
2. Berman E., Bound J., Griliches Z. Changes in the Demand for Skilled Labor Within U.S. Manufacturing: Evidence From the Annual Survey of Manufacturers // Quarterly Journal of Economics. — 1994. — Vol. 109, iss. 2. — P. 367–397. — doi: 10.2307/2118467.
3. Dahl G. B., Lochner L. The Impact of Family Income on Child Achievement // NBER Working Paper. — 2005. — No. w11279 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nber.org/papers/w11279> (дата обращения: 10.04.2019). — doi: 10.3386/w11279.
4. Belley P., Lochner L. The Changing Role of Family Income and Ability in Determining Educational Achievement // NBER Working Paper. — 2007. — No. 13527(Oct.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nber.org/papers/w13527> (дата обращения: 10.04.2019). doi:10.3386/w13527.
5. Witteveen D., Attewell P. Family Background and Earnings Inequality among College Graduates // Social Forces. — 2017. — Vol. 95, iss. 4. — P. 1539–1576. — doi: 10.1093/sf/sow109.
6. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. — London: Cambridge Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. — 816 p.
7. Birdsall N. Rising Inequality in the New Global Economy // Center for Global Development [Электронный ресурс]. URL: https://www.cgdev.org/sites/default/files/archive/doc/commentary/birdsall/rising_inequality.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
8. Heckman J. J., Mosso S. The Economics of Human Development and Social Mobility // Annual Review of Economics. — April 25, 2014. — Vol. 6. — P. 689–733. — doi: 10.1146/annurev-economics-080213-040753.
9. Stiglitz J. E. New Theoretical Perspectives on the Distribution of Income and Wealth Among Individuals. In: Basu K., Stiglitz J. E. (eds). Inequality and Growth: Patterns and Policy. International Economic Association Series. — London: Palgrave Macmillan, 2016. — 256 p. — P. 1–71.
10. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016 // Journal of Economic Inequality. — 2018. — Vol. 16, iss. 2. — P. 189–223.
11. Stiglitz J. E. Why we need new theories to explain wealth inequality // World Economic Forum. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/08/why-we-need-new-theories-to-explain-wealth-inequality/> (дата обращения: 12.04.2019).
12. Blanden J. Intergenerational income persistence // IZA World of Labor 2019. — 2019. — Vol. 176, iss. 2. — P. 1–10. — doi: 10.15185/izawol.176.v2.
13. Kanbur R., Stiglitz J. E. Dynastic inequality, mobility and equality of opportunity // The Journal of Economic Inequality. — 2016. — Vol. 14, iss. 4. — pp. 419–434. — doi: 10.1007/s10888-016-9328-4.
14. Güveli A., Luijckx R., Ganzeboom H. B. Patterns of intergenerational mobility of the old and new middle classes in a post-industrial society: Netherlands 1970–2006 // Soc Sci Res. — 2012. — Vol. 41, iss. 2. — P. 224–241. — doi: 10.1016/j.ssresearch.2011.11.002.
15. Peters H. Patterns of Intergenerational Mobility in Income and Earnings // The Review of Economics and Statistics. — 1992. — Vol. 74. — P. 456–466. — doi: 10.2307/2109490.
16. Бердсолл Н. Усиление неравенства в новой глобальной экономике // Вопросы экономики. — 2006. — № 4. — С. 84–89. — doi: 10.32609/0042-8736-2006-4-84-89.
17. Rubin M., Wright C. Time and money explain social class differences in students' social integration at university // Studies in Higher Education. — 2017. — Vol. 42, iss. 2. — P. 315–330. doi: 10.1080/03075079.2015.1045481.

18. Woolf S. H., Aron L., Dubay L., Simon S. M., Zimmerman E., Luk K. X. How are income and wealth linked to health and longevity? — Washington DC: Urban Institute, 2015. — 22 p.
19. Avendano M., Kawachi I. Why do Americans have shorter life expectancy and worse health than people in other high-income countries? // *Annu Rev Public Health*. — 2014. — Vol. 35. — P. 307–325.
20. Dickman S. L., Himmelstein D. U., Woolhandler S. Inequality and the health-care system in the USA // *The Lancet*, seria «America: equity and equality in health». — April 08, 2017. — Vol. 389, iss. 10077. — P. 1431–1441. — doi: 10.1016/S0140-6736(17)30398-7.
21. McCall L. Gender and the New Inequality: Explaining the College/Non-College Wage Gap // *American Sociological Review*. — 2000. — Vol. 65, iss. 2. — P. 234–255. — doi: 10.2307/2657439.
22. Reforms E. P. A Family affair: Intergenerational social mobility across OECD countries. In: P. C. Padoan (Ed.). — France: Economic Policy Reforms 2010, Going for Growth, OECD, 2010. — 245 p. — P. 183–200. — doi: 10.1787/growth-2010-en.
23. Клинов В. Г., Сидоров А. А. Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития // *Вопросы экономики*. — 2018. — № 7. — С. 30–44.
24. Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. Социальное неравенство в мире. Тенденции 2000–2016 гг. // *Вопросы экономики*. — 2018. — № 10. — С. 29–52.
25. Бобков В. Н., Вередюк О. В. Неравенство уровня жизни населения в России. Внутренний и международный контексты. Начало 1990-х и 2000-е годы // *Экономика региона*. — 2013. — № 3 (35). — С. 53–62.
26. Телин К. О. Дивергенция в головах. Почему черт неравенства действительно страшен // *Вопросы экономики*. — 2019. — № 4. — С. 107–123.
27. Осеев А. А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе // *Вестник московского университета*. — 2014. — № 2. — С. 68–80. — (18. Социология и политология).
28. Капелюшников Р. И. Неравенство. Как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*. — 2017. — № 4. — С. 117–139.
29. Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство — вселенское зло? // *Вопросы экономики*. — 2019. — № 4. — С. 91–106.
30. Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // *Экономика региона*. — 2012. — № 2 (30). — С. 170–178.
31. Вередюк О. В. Качество занятости молодежи в России. Анализ оценок удовлетворенности работой // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. — 2018. — № 3 (145). — С. 306–323.
32. Вередюк О. В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. — 2013. — № 1. — С. 25–32. — (5. Экономика).
33. Peters H. Patterns of Intergenerational Mobility in Income and Earnings // *The Review of Economics and Statistics*. — 1992. — Vol. 74. — pp. — 456–466. — doi: 10.2307/2109490.
34. Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. — 30 с.

Информация об авторах

Кокшаров Виктор Анатольевич — кандидат исторических наук, ректор, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория по проблемам университетского развития, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: v.a.koksharov@urfu.ru).

Агарков Гавриил Александрович — доктор экономических наук, заведующий лабораторией, Научно-исследовательская лаборатория по проблемам университетского развития, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: g.a.agarkov@urfu.ru).

Сущенко Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория по проблемам университетского развития, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru).

For citation: Koksharov, V. A., Agarkov, G. A. & Sushchenko, A. D. (2019). New Inequality in University Graduates' Income: Regional Aspect. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 15(2), 337–349

V. A. Koksharov, G. A. Agarkov, A. D. Sushchenko
Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru)

New Inequality in University Graduates' Income: Regional Aspect

Income inequality is an important indicator of the modern Russian economy's development. Economists and sociologists actively discuss the issues of reducing income differentiation and poverty on the global arena within the framework of approaches studying the so-called "new inequality". At the same time, income inequality leads to new forms of inequality in household incomes. The article aims to assess the forms in which one generation's financial success is reproduced in subsequent generations.

Moreover, we examine to which extent a university degree provides social mobility. We analyzed the data on income inequality in Russia for the period from 1980 to 2015, presented in the World Database on Wealth and Income (WID), supplemented by the results of graduates' monitoring we conducted. To process the data, we used classification and expert assessment methods. The analysis of the data on income inequality has revealed the stagnation in middle- and lower-class incomes due to increased incomes of the 10 % richest population. The study's key conclusion is that investments (both state and private costs from family income) in obtaining a university degree by families with moderate financial success are effective and justified in the long term. The applicants from middle-income families require support: in such families, 49 % of university graduates already have a similar level of income at the start of their careers, and another 16 % are financially successful. This group's graduates are motivated to work in their professional sphere after graduation. The results are applicable for optimizing the admission process in leading universities, taking into account the approaches to income inequality. Such method can contribute to enhancing human potential in the Ural region and to ensuring effective investments in the development of higher education by state authorities.

Keywords: income inequality, labor market, employment, graduates, young professionals, professional trajectories, educational trajectories, financial achievement, poverty, higher education, family income

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, the project № 18-311-00175.

References

- Freeman, R. (1997). *When Earnings Diverge: Causes, Consequences, and Cures for the New Inequality in the U.S.* Washington, D.C.: National Policy Association. Retrieved from: <https://scholar.harvard.edu/freeman/publications/when-earnings-diverge-causes-consequences-and-cures-new-inequality-us> (Date of access: 12.04.2019).
- Berman, E., Bound, J. & Griliches, Z. (1994). Changes in the Demand for Skilled Labor Within U.S. Manufacturing: Evidence From the Annual Survey of Manufacturers. *The Quarterly Journal of Economics*, 109(2), 367–397. DOI: 10.2307/2118467.
- Dahl, G. B. & Lochner L. (2005). *The Impact of Family Income on Child Achievement*. NBER Working Paper No. w11279, 54. Retrieved from: <https://www.nber.org/papers/w11279> (Date of access: 10.04.2019). DOI:10.3386/w11279.
- Belley, P. & Lochner, L. (2007). *The Changing Role of Family Income and Ability in Determining Educational Achievement*. NBER Working Paper No. 13527, 66. Retrieved from: <https://www.nber.org/papers/w13527> (Date of access: 10.04.2019). DOI: 10.3386/w13527.
- Witteveen, D. & Attewell, P. (2017). Family Background and Earnings Inequality among College Graduates. *Social Forces*, 95(4), 1539–1576. DOI:10.1093/sf/sow109.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. London: Cambridge Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 816 p.
- Birdsall, N. (2006). Rising inequality in the new global economy, *International Journal of Development Issues*, 5(1), 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1108/eb045856>
- Heckman, J. J. & Mosso, S. (2014). The Economics of Human Development and Social Mobility. *Annual Review of Economics*, 6(1), 689–733. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-040753.
- Stiglitz, J. E. (2016). New Theoretical Perspectives on the Distribution of Income and Wealth Among Individuals. In: K. Basu, J. E. Stiglitz (Eds.), *Inequality and Growth: Patterns and Policy* (pp. 1–71). *International Economic Association Series*. London: Palgrave Macmillan.
- Novokmet, F., Piketty, T. & Zucman G. (2018). From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality*, 16(2), 189–223.
- Stiglitz, J. E. (2015). *Why we need new theories to explain wealth inequality*. World Economic Forum. Retrieved from: <https://www.weforum.org/agenda/2015/08/why-we-need-new-theories-to-explain-wealth-inequality/> (Date of access: 12.04.2019).
- Blanden, J. (2019). Intergenerational income persistence. *IZA World of Labor 2019*, 176(2), 1–10. DOI: 10.15185/izawol.176.v2.
- Kanbur, R. & Stiglitz, J. E. (2016) Dynastic inequality, mobility and equality of opportunity. *The Journal of Economic Inequality*, 14(4), 419–434. DOI: 10.1007/s10888-016-9328-4.
- Güveli, A., Luijckx, R. & Ganzeboom, H. B. (2012) Patterns of intergenerational mobility of the old and new middle classes in a post-industrial society: Netherlands 1970–2006. *Social Science Research*, 41(2), 224–241. DOI:10.1016/j.ssresearch.2011.11.002.
- Peters, H. (1992). Patterns of Intergenerational Mobility in Income and Earnings. *The Review of Economics and Statistics*, 74(3), 456–466. DOI: 10.2307/2109490.
- Berdsoll N. (2006). Usilenie neravenstva v novoy globalnoy ekonomike [Rising Inequality in the New Global Economy]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 84–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2006-4-84-89. (In Russ.)
- Rubin, M. & Wright, C. (2017). Time and money explain social class differences in students' social integration at university. *Studies in Higher Education*, 42(2), 315–330. DOI:10.1080/03075079.2015.1045481.
- Wolf, S. H., Aron, L., Dubay, L., Simon, S. M., Zimmerman, E. & Luk, K. X. (2015) *How are income and wealth linked to health and longevity?* Washington, DC: Urban Institute, 21.

19. Avendano, M. & Kawachi, I. (2014). Why do Americans have shorter life expectancy and worse health than people in other high-income countries? *Annual Review of Public Health*, 35, 307–325. DOI: 10.1146/annurev-publhealth-032013-182411.
20. Dickman, S. L., Himmelstein, D. U. & Woolhandler, S. (2017). Inequality and the health-care system in the USA. *The Lancet*, 389(10077), 1431–1441. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)30398-7.
21. McCall, L. (2000). Gender and the New Inequality: Explaining the College/Non-College Wage Gap. *American Sociological Review*, 65(2), 234–255. DOI: 10.2307/2657439.
22. OECD (2010). A Family affair: Intergenerational social mobility across OECD countries. In: P. C. Padoan (Ed.), *Economic Policy Reforms 2010: Going for Growth*, OECD, 181–197. DOI: 10.1787/growth-2010-38-en.
23. Klinov, V. G. & Sidorov, A. A. (2018). Mirovye tendentsii v raspredelenii dokhodov i problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [World trends in the distribution of national incomes and problems of economic and social development]. *Voprosy ekonomiki*, 7, 30–44. (In Russ.)
24. Grigoryev, L. M. & Pavlyushna, V. A. (2018). Sotsialnoe neravenstvo v mire: tendentsii 2000–2016 gg. [Social inequality in the world: trends during 2000–2016]. *Voprosy ekonomiki*, 10, 29–52. (In Russ.)
25. Bobkov, V. N. & Veredyuk, O. V. (2013). Neravenstvo urovnya zhizni naseleniya v Rossii: vnutrennyy i mezhdunarodnyy konteksty (nachalo 1990-kh i 2000-e gody) [Inequality of living standards in Russia: internal and international context (the early 1990s and 2000s)]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 3(35), 53–62. (In Russ.)
26. Telin, K. O. (2019). Divergentsiya v golovakh: pochemu chert neravenstva deystvitelno strashen [Divergence in mind: why inequality devil is as black as he is painted]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 107–123. (In Russ.)
27. Oseev, A. A. (2014). Sotsialnoe neravenstvo kak faktor sotsialnoy napryazhennosti v rossiyskom obshchestve [Social inequality as a factor of social tensions in Russian society]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18: sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science]*, 2, 68–80. (In Russ.)
28. Kapeliushnikov, R. I. (2017). Neravenstvo: kak ne primitivizirovat problemy [Inequality: how not to primitivize the problem]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 117–139. (In Russ.)
29. Kapeliushnikov, R. I. (2019). Ekonomicheskoe neravenstvo — vselenskoe zlo? [Is economic inequality a universal evil?]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 91–106. (In Russ.)
30. Bobkov, V. N. & Gulyugina, A. A. (2012). Neravenstvo kachestva i urovnya zhizni naseleniya regionov [The inequality of quality and standards of life of the population of the regions]. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 2, 170–178. (In Russ.)
31. Veredyuk, O. V. (2018). Kachestvo zanyatosti molodezhi v Rossii: analiz otsenok udovletvorennosti rabotoy [Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction scores]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 3(145), 306–323. (In Russ.)
32. Veredyuk, O. V. (2013). Neustoychivost zanyatosti: teoreticheskiye osnovy i otsenka masshtabov v Rossii [Instability of Employment: Theoretical Concept and Assessment of its Scale in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Seriya 5: Ekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies]*, 1, 25–32. (In Russ.)
33. Peters, H. E. (1992). Patterns of Intergenerational Mobility in Income and Earnings. *The Review of Economics and Statistics*, 74(3), 456–466. DOI: 10.2307/2109490.
34. Roshchin, S. Yu. & Rudakov, V. N. (2015). Vliyaniye «kachestva» vuza na zarabotnuyu platu vypusknikov [The effect of university quality on graduates' wages]. Moscow: HSE Publishing House, 30. (In Russ.)

Authors

Viktor Anatolyevich Koksharov — PhD in History, Rector, Leading Research Associate, Research Laboratory for University Development Issues, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: v.a.koksharov@urfu.ru).

Gavriil Aleksandrovich Agarkov — Doctor of Economics, Head of Laboratory, Research Laboratory for University Development Issues, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: g.a.agarkov@urfu.ru).

Anastasia Dmitrievna Sushchenko — PhD in Sociology, Senior Researcher, Research Laboratory for University Development Issues, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.d.sushchenko@urfu.ru).